

В далёком уже 1989 году, работая над поиском материала для подготавливаемой диссертации в Управлении КГБ по Ростовской области, повстречал я интересные документы. Выписал их на всякий случай, положил в какие-то папочки... Потом, как это и должно быть, папочки эти где-то затерялись... Ну, в общем, самая обычная история. Давно заметил я одну особенность, характерную, впрочем, для всех для нас историков: когда в твоих архивах, даже на самом их доньшке лежит нужная людям бумажка или копия интересного документа, ценного для истории, они, эти бумаги с невероятным упорством вылезают наверх, на свет Божий, к народу. Как бы требуют: нам не место здесь пребывать, в забвении, мы хотим слово сказать полезное. Я в этом убедился в стотысячный раз на примере бумаг из того, из ростовского архива.

Уж сколько раз твердили миру: именно Михаил Александрович Шолохов написал великий роман «Тихий Дон», а никто другой. Не верим, говорят некоторые высоколобые учёные мужи, что мальчишка двадцати трёх лет от роду, да ещё почти безграмотный, да ещё крестьянин смог создать абсолютно гениальное произведение, за которое он, правда только через сорок лет, но всё же получит Нобелевскую премию. Не верим и всё! Потому,

что такого не может быть никогда. И это неверие, и эти бессмысленные вопросы возникают то тут, то там из года в год, из месяца в месяц.

Грех такого же рода, чего уж там говорить, случался и у меня. Почему же, думал я, никто из современников не может повторить то же самое в нынешние времена? Никто не станет спорить: Россия родила бесконечное количество бесконечно способных творческих людей. Но где другие примеры юных дарований, где золотая, яркая поросль, которая, мимоходом, неведомо что творя, создаёт новое, необычное, блистательное... Что, таланты разве перестали рождаться на Святой Руси? Почему, рассуждал я, мелкотравчатость одна и в поэзии, и в прозе? И что же, тот малограмотный Миша Шолохов и впрямь оказался умнее и талантливее всех наших золотых выпускников лучших университетов и аспирантур? По сути, они ведь одногодки. Мне казалось, что здесь что-то не вяжется. Ведь есть же, есть же примеры, на которые можно и нужно равняться.

Вспоминал я, конечно, и нашего Пушкина, совсем в юную пору потрясавшего великолепной, совсем уже зрелой поэзией старика Державина на лицейских вечерах. И ту четырнадцатилетнюю мексиканскую девочку Консуэло Веласкес, ни разу ещё не целовавшуюся, но восхищённую первой своей любовью, написавшую трогательные стихи о ней и сочинившую потрясающую мелодию на эти стихи, в результате чего появилась незамысловатая, но бесконечно талантливая песня, которую пели, поют и будут с восторгом петь все люди, пока живёт наш подлунный мир. Не знаю, как написать по-испански, но по-русски это звучит: «Бэсса мэ, бэсса ма мучо...», «Целуй меня, целуй меня, крепко...».

А бесконечный гений, невесть откуда, с какого неба свалившихся и появившихся перед народом в городе Ливерпуле в строгих костюмах и с глупыми причёсками семнадцатилетних парнишек, создавших сотни потрясающих текстов и мелодий, которые во все века будут теперь петь и повторять все континенты. И имя их ансамбля тоже было глупое – «Битлз», то есть «Жуки». Ну и жужжали бы себе, жуки, но четверо ребят с гитарами прокричали на весь белый свет, что они гениальны, и люди, послушав их, с этим согласились. И я согласился тоже.

М.А. Шолохов.
Фото 20-х годов

Гораздо позже понял я, что сонные этапы истории, когда тишь, да гладь, за редким исключением рожают и сонных людей. Тогда редко появляются великие произведения и великие свершения. И лишь великие переломы, страшные исторические потрясения, как-таклизмы, революции и войны рожают гениальных полководцев, творцов, учёных, народных лидеров. Тогда они силой своего ума и таланта, своих знаний, смелости и воли берут в руки ход военных сражений, судьбы стран и народов и ломают, поворачивают всё по-своему и спасают людей и их души.

Шолохов, этот посланец Небес, простой донской казак пришёл в мир, чтобы спасти миллионы человеческих душ, утративших веру в справедливость, в смысл дальнейшей жизни, потерявшихся в кровавой каше бессмысленной резни, именуемой в нашей истории «красным террором». Он впервые с максимально допустимой в сталинские времена правдой описал трагедию целого многомиллионного народа, которого власть по одной только ей понятной логике решила поголовно уничтожить. Им, казакам, великим простым труженикам и воинам, всегда первыми бросавшимися в бой за Родину, за «матушку Россию», никак было не понять, за какие такие грехи так оберегаемая ими страна вдруг набросилась на них и стала убивать их стариков и детей? Разве ведомо им было, что на каких-то далёких масонских кухнях сварился суп под названием «мировая революция», и теперь все непокорные, не согласные с богоизбранностью «избранного народа», в чьих интересах и должна совершиться эта «революция», должны будут или подчиниться ему беспрекословно или умереть.

Вот текст секретной директивы оргбюро Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков от 24 января 1919 года «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», подписанный яростным поборником «мировой революции» Я.М. Свердловым:

«Учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы. Поэтому необходимо:

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению к вообще всем казакам, принимавшим какое-либо прямое, либо косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дадут га-

рантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

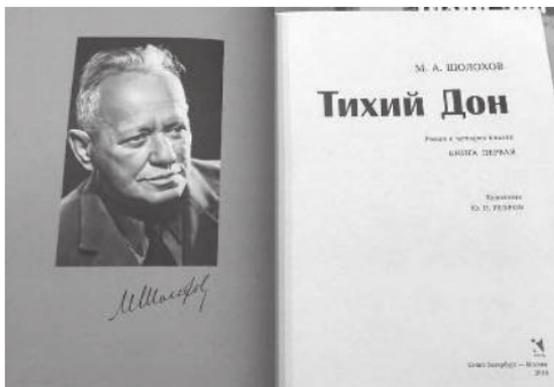
Конфисковывать хлеб и заставляя ссыпать все излишки в указанные пункты. Это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи».

Якову Свердлову с коммунистической прямоотой вторил активный троцкист Феликс Дзержинский, один из основоположников кровавого «красного террора», заявивший на 5-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий: «Когда мы подходим к врагу, чтобы его убить, мы убиваем его вовсе не потому, что он злой человек, а потому, что мы пользуемся оружием террора, чтобы сделать страх для других».

Согласитесь, сказано не совсем по-русски – у Дзержинского вообще был плохой русский язык – зато как по-людоедски, как попалачески прямо и доходчиво. Трудно себе представить, сколько бед натворил в России этот «рыцарь революции», ещё в детстве мечтавший иметь шапку – невидимку и убить как можно больше «москалей», то есть русских людей! Свою детскую мечту он с избытком реализовал в России, куда «князь тёмных сил» привёл его и поставил на весьма высокие должности, чтобы разрушать Церковь и православный мир. И здесь этот слуга его вволю напил-ся русской кровушки. По приказам Дзержинского создавались концлагеря смерти, по примеру которых фашисты Германии создавали затем свои Освенцимы, Бухенвальды и Майданеки, были осенью 1920 года расстреляны десятки тысяч лучших сынов России в Крыму, не пожелавших покидать Родину, по его приказам шло смертоносное «расказначивание», душились газами крестьяне Тамбовщины, восставшие против губительной продразвёрстки, безжалостно уничтожались участники восстаний на Украине, в Сибири, в Ижевске, в Ярославле...

А главный идеолог «мировой революции» Лейба Давидович Бронштейн, он же Троцкий заявлял без обиняков, что казачество, как сословие, способное к самоорганизации и к са-

мозаците, само по себе опасно для Советской власти и поэтому должно быть уничтожено. Герои шолоховских произведений попали в самое пекло огня «мирового пожара», раздуваемого в России Троцким, Свердловым и иже с ними. У них не было никаких шансов выжить, ведь они сражались за свой Тихий Дон, а значит, с точки зрения идеологов «красного террора», подлежали уничтожению.

Я утверждаю, что великий роман «Тихий Дон» написал великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов. И заявляю так, привожу свои аргументы.

Так вот, работая в 1989 году в архиве Ростовского Управления Комитета государственной безопасности над изучением исторических материалов по теме своего диссертационного исследования, я совершенно случайно натолкнулся на два архивных дела – № 48928 и 53951. По какой-то неведомой причине я выделил их среди других и стал читать. Вечером, когда сдавал их на ночь архивариусу, тот заулыбался и спросил:

– Что, решили творчеством Шолохова заняться?

И пояснил, что по обоим делам проходят реальные прототипы героев романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

В ту ночь я плохо спал, а на другой день с утра набросился на архивариуса с просьбами рассказать, что он знает о лицах, проходящих по этим делам. Старый сотрудник архива, седой и с сероватым лицом, будто-бы пропитанный насквозь вековой архивной пылью, был самозабвенно влюблён в своего земляка Михаила Шолохова, поэтому мы вместе с ним просидели над теми делами довольно долго.

По архивному делу № 48928 проходил Харлампий Васильевич Ермаков. Сотрудник твёрдо сказал мне, что это прототип главного героя «Тихого Дона» Григория Мелехова.

– Ну, Ермаков и Ермаков, – говорил я ему, – мало ли Ермаковых среди казаков? Почему именно он должен быть обязательно прототипом?

– Здесь ошибки нет, – утверждал собеседник.

И стал называть свои аргументы. Какие-то из них я записал, некоторые запомнил. Однако все они были взяты из самого дела, в чём я убедился самолично. Постараюсь привести их максимально подробно.

Во-первых, в деле имеются прямые сведения о том, что Михаил Александрович Шолохов, являясь родственником Ермакова по не родному отцу Кузнецову, в семье которого долго жил, близко его знал и тесно с ним общался до самой гибели Ермакова. Они родились и жили в одной станице Вешенской в соседних хуторах:

Шолохов – в Кружилине, Ермаков – в хуторе Базки. Семьи их дружили. Материалы дела убедительно показывают, что Шолохов практически полностью списал для своего героя Мелехова биографию, боевой путь, характер и даже внешность Харлампия Ермакова, своего дальнего родственника, который за свою беззаветную храбрость и славные дела повсеместно назывался «красой и гордостью казачества».

Вот страницы биографии донского казака Харлампия Васильевича Ермакова, списанные мною из архивного дела № 48928.

Если сравнить их с боевым путем Григория Мелехова, то не составляет большого труда понять: биографии их очень похожи. В 1914 – 1917 годах Ермаков проходил военную службу в царской армии. За боевые заслуги и проявленную в боях воинскую доблесть стал кавалером «полного Георгиевского банта» – был награждён четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя Георгиевскими медалями всех степеней, то есть получил высшие солдатские награды. Получил казачье звание подхорунжего, что соответствовало действовавшим тогда воинским званиям унтер-офицера или вахмистра. Это солдатское звание было последним перед офицерскими званиями. На фронте был ранен и в 1917 – 1918 годах проживал дома, находился на излечении. В 1918 году был мобилизован в Красную Армию и служил в хорошо известном из истории отряде Подтёлкова. Вскоре опять был ранен и вернулся в родную станицу Вешенскую, где уже была установлена советская власть. На общем собрании станичников Ермаков был избран председателем Вешенского станичного исполнительного комитета.

15 июня 1918 года станица была захвачена белоказаками. Ермаков был приговорён полевым судом к расстрелу. Но за него вступился его брат, казачий сотник Емельян, авторитет которого среди казаков был высок. Харлампий Ермаков был помилован и отправлен на Царицынский фронт в казачьи части Белой армии. В декабре 1918 года белый этот фронт был разбит, и Харлампий вернулся на родину, в станицу Вешенскую. В феврале 1919 года он добровольно записывается в 28 казачий полк Красной Армии и служит в должности заведующего транспортом дивизии. Уже в марте, когда на Дону началось широкое восстание казачества, Ермаков переходит к белым. Он был назначен командующим ка-

зачьими войсками левобережья Дона. С отступающими белыми частями скатился в Новороссийск, но не ушёл на кораблях в Турцию, а сформировал бригаду из оставшихся казаков и влился в Конную армию Будённого. В составе Красной Армии воевал против поляков и банд атамана Шкуро. В тот период Ермаков арестовывался особым отделом, но по ходатайству самого Будённого, как лихой рубака, был освобождён и командовал конным полком и дивизионной кавалерийской школой.

Этого в архивном деле нет, но нельзя исключать, что командарм Семен Михайлович Будённый лично знал Харлампия Ермакова ещё по фронтам Первой мировой войны – он ведь тоже, как и Ермаков, был донским казаком, из одной Ростовской области и тоже полным Георгиевским кавалером. Слава о них на фронтах разносилась далеко, и многие из этих кавалеров знали друг друга.

Почти два с половиной года служил казак у прославленного командарма, и всё это время дожимали его комиссары и особисты: служил у белых – значит не место тебе в Красных частях, а место или в тюрьме или у «стенки». Но его не трогали, пока шли активные бои с белыми – он ведь хорошо воевал, но когда гражданская война покатила к закату, а это был уже 1923 год, его демобилизовали и сказали: поезжай-ка ты лучше домой, командир, а то не ровен час...

И он уехал в родные Базки, в Вешенскую станицу. Его опять пытались притянуть к себе остатки белых, бандиты и «зелёные», но он никуда больше не пошёл, какое-то время крестьянствовал.

Примерно на этом этапе заканчивается повествование в «Тихом Доне» о драматических перипетиях главного героя Григория Мелехова. Согласитесь: биографии Мелехова и Ермакова, их метания и хождения по мукам неизвестности, поиска правильного жизненного пути схожи почти буквально. Совершенно очевидно, что военный путь своего соседа и дальнего родственника Харлампия Ермакова Шолохов изучил детально, а затем провёл в романе по этому пути любимого своего героя.

Кстати, из материалов рассмотренного мною архивного дела № 48928 прослеживается, что молодой писатель Михаил Шолохов действительно тщательно изучал судьбу Ермакова. В 1926 году он неоднократно встречался с ним в станице Вешенской, беседовал и вёл записи этих бесед. Последняя встреча состоялась в городе Миллерово незадолго до его ареста. При аресте Харлампия Ермакова у него было изъято письмо Михаила Шолохова, содержащее просьбу об очередной встрече. Уже после ареста Ермакова Михаил Александрович опрашивал о деталях

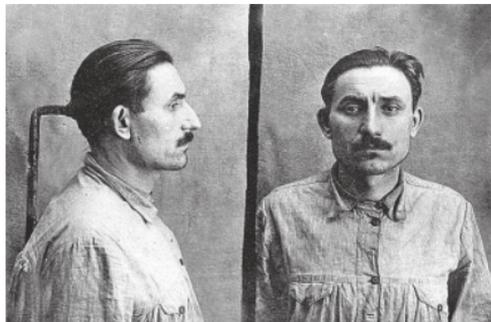
характера и судьбы Харлампия его односельчан и близких родственников.

Полагаю, всё это убедительно свидетельствует о том, что прототипом главного героя романа Михаила Шолохова «Тихий Дон» мог быть только хорошо ему известный его земляк, сосед и родственник по отцу герой Первой Мировой войны Харлампий Васильевич Ермаков, бывший казачий есаул, полный Георгиевский кавалер, «гордость казачества», как его именовали донские казаки. Это означает, что и автором «Тихого Дона» мог быть только тот совсем ещё молодой человек, великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов.

Думаю, для читателей совсем небезынтересно узнать, как же сложилась судьба Григория Мелехова после его возвращения домой? Об этом ведь совсем не говорится в шолоховском романе. Это мы узнаем по судьбе самого Харлампия Ермакова, материалы об этом имеются в архивном деле № 48928, ныне хранящемся в Управлении ФСБ по Ростовской области. Когда он вернулся в Вешенскую и жил там, на него всё время писали доносы. Как же так, говорилось в этих доносах, человек воевал у белых и вот на тебе: живёт-здравствует. Надо бы его поскорее расстрелять. И в июне 1924 года Ермаков был арестован органами ОГПУ как бывший белый офицер. Но в 1925 году его освободили как человека, много воевавшего за Советскую власть. Вероятно, за него кто-то ходатайствовал. Далее Харлампий Васильевич был избран земляками председателем крестьянского общества взаимопомощи и заместителем председателя Базковского сельского совета. Уже в следующем, 1926 году он избирается заместителем председателя Вешенского станичного совета. Вероятно, земляки ему доверяли.

Но доносы на Ермакова шли и шли в разные инстанции, в том числе и в Москву. В них указывалось, что он действительно в боях отличался храбростью, и повсеместно слыл гордостью казачества, но писавшие письма в инстанции сообщали и о чрезмерной жестокости Ермакова. Например, в 1919 году он в бою зарубил шашкой восемнадцать матросов. В другом бою загнал в Дон, а затем зарубил и утопил с другими казаками около 150 человек. У него был страшный сабельный удар. Какие власти закроют на такое глаза?

20 января 1927 года Харлампий Ермаков был арестован Донецким окружным отделом ОГПУ. 6 июня 1927 года постановлением Коллегии ОГПУ осуждён к высшей мере наказания – расстрелу. 17 июня 1927 года расстрелян в подвале тюрьмы Миллеровского исправдома.

Харлампи́й Ермаков.
Фото из личного дела

Он был безудержно храбр и Господь берёг его в бою. Будучи всегда командиром, он с острой своей саблей всегда был впереди своих казаков, летящих в атаку. Он выжил в сотнях боев, где густо свистели пули и осколки. И сразила его, прервала ему жизнь пуля не боевая, а пуля расстрельная, пуля тюремная. Разве так должен был закончить свою моло-

дую жизнь этот цветущий, сильный и умный казак, потерявший свой путь в проклятое время?

Тот добрый архивариус Ростовского архива КГБ сделал мне по моей просьбе копию тюремной фотографии Харлампия Ермакова, хранящейся в деле. Его внешность в точности соответствует образу Григория Мелехова: худощавое скуластое лицо, горбатый нос, доставшийся по наследству от пленённой и вывезенной на Дон матери-турчанки. Привожу эту фотографию в своей статье на память потомкам.

По архивному делу № 49455 (шесть томов) проходит другой земляк Михаила Александровича Шолохова – Александр Степанович Сенин, 1891 года рождения, уроженец хутора Евлантьевский Вешенского района Ростовской области. Сотрудники архива сказали мне, что это прототип одного из главных героев другого шолоховского романа – «Поднятая целина» Половцева Александра Анисимовича. Из дела видно, что в реальной жизни Сенин и Ермаков знали друг друга, тем более, что детство и юность у них проходили в одних местах, они были одногодками.

Шолохов в своём романе также практически полностью списал для Александра Половцева и внешность и судьбу реального казачьего офицера Александра Сенина, человека, которого хорошо лично знал.

Выходец из беднейшего казачества, Сенин не смог из-за сильной нужды продолжать учебу в Новочеркасском Политехническом институте, в который поступил в 1910 году после окончания реального училища, и, закончив первый курс института, поступил в Новочеркасское военное училище. В 1914–1917 годах он офицер на Германском фронте. Боевой путь: командир казачьего взвода, адъютант полка, командир сотни 44 Донского казачьего полка. За проявленную в боях храбрость награждён тремя орденами Святой

Анны и двумя орденами Святого Станислава. Воинское звание есаул. Это казачье звание приравнялось к армейскому званию капитан.

В бытность Временного правительства после выхода печально известного Приказа № 1, разрешившего воинскую анархию, когда пьяные от вседозволенности сол-

датики и матросня начали повсеместно убивать офицеров, Сенин – Половцев бросает развалившуюся армию и уезжает домой, в свой хутор Евлантьевский. Но уже в апреле 1918 года, только забрезжили зори первых казачьих восстаний, он седлает своего коня и уходит к белоказакам на станицу Боковскую Вешенского района, где шло формирование казачьих боевых отрядов при только что созданном новом Донском правительстве, и назначается командиром сотни. Уже в мае 1918 года его сотня отличилась и одержала свою первую победу: в районе хутора Пономарёв ею был пленён красновардейский отряд Подтёлкова и Кривошлыкова. (Как мы помним, и в романе и в реальной жизни там состоял на службе Григорий Мелехов – Харлампий Ермаков). Сенин, как секретарь казачьего суда, участвовал в казни и руководства, и участников отряда. Затем в составе Боков – Корниловского казачьего полка он постоянно в боях с красными. После гибели в бою командира полка ему было доверено командовать этим полком. Некоторое время спустя, Сенин назначается заместителем командира бригады 7-ой Пластунской дивизии по строевой части.

В сентябре 1919 года Александр Сенин был ранен в бою и попал в плен к красным. Там он скрыл свой чин и в течение двух лет служил в войсках у красных как рядовой солдат. В сентябре 1921 года тайна его раскрылась – его опознал один из бывших сослуживцев, и после допросов Сенин был заключён в тюрьму. В 1925 году он был освобождён и прибыл опять на свой родной хутор. Дома он на какое-то время вернулся к крестьянскому труду: пахал и сеял, поднимал убогое родительское хозяйство, а потом стал школьным учителем, обучал ребятишек математике – любимой своей науке.

Но Советскую власть и весь её уклад Александр Степанович Сенин не любил и предпринял попытку вернуть старые добрые

М.А. Шолохов на Дону

казачьи порядки, возобновить жизнь старинную, дедовскую. Впрочем, об этом более детально описано в знаменитом шолоховском романе «Поднятая целина», где рассказывается, как полковник Половцев пытался поднять на Дону антисоветское восстание.

В июле 1930 года Александр Сенин был арестован органами госбезопасности. 28 декабря 1930 года расстрелян в тюрьме города Шахты (бывшее название – Миллерово), там же, где закончил свою жизнь Харлампий Ермаков.

Вот последний документ, который поставил точку в непокорной судьбе этого несомненно самобытного и талантливого человека, патриота своего казачьего края.

АКТ

1930 г. Декабря 28 дня гор. Шахты

Я, комендант Шахт – Донецкого ОСО ГПУ М. Лаврушин в присутствии ответственного дежурного по Сектору Цыганкова на основании указания начальника Ш-Д ОСО ГПУ за № 0768/4 от 24 декабря 1930 года привёл в исполнение приговор ВМН – расстрелял осуждённого Сенина Александра Степановича.

Приговор приведён в исполнение 28 декабря 1930 года в 9 часов вечера.

При осмотре трупа признаков жизни не было, труп предан земле на 2,5 аршина, о чём и составлен акт в 2-х экземплярах.

Комендант Ш-Д ОСО ГПУ (подпись)

Ответ. Дежурный сектора (подпись)

Подтверждением того, что именно есаул Сенин явился прототипом шолоховского полковника Половцева, может вполне убедительно свидетельствовать то, что, как видно из архивного дела № 49455, автор «Поднятой целины» неоднократно встречался с ним с целью сбора материала для своего романа. Последняя встреча состоялась прямо в стенах тюрьмы города Шахты в 1930 году, о чём в деле имеется соответствующая отметка.

Имеется также справка о том, что в начале 1933 года с делом в отношении Александра Сенина по распоряжению помощника начальника Секретно-политического отдела Полномочного Представительства ОГПУ в Северо-Кавказском крае прямо в помещении Представительства познакомился писатель Михаил Шолохов. В этом нет ничего удивительного: в 1933 году писатель после публикаций «Донских рассказов» и «Тихого Дона» был уже очень знаменитым, его поддерживал сам Сталин, и Михаил Александрович

рович смог добиться такого разрешения. Но это было и хорошо: образ Половцева в результате столь кропотливой работы писателя в романе выписан очень ярко и убедительно.

Они мало пожилы. Совсем мало, если вымерять по шкале обычной человеческой жизни: Харламбий Ермаков – 36, Сенин – 39 лет. И они много чего не успели совершить на коротком своём веку. Они не народили вместе с любимыми своими черноволосыми зазнобами – казачками будущих добрых кавалеристов – быстрых и голосистых казачат, что пылили бы по станицам с деревянными сабельками в крепких ручонках. Эти толковые, крепкие мужики не стали агрономами, руководителями своих станиц, районов и областей, не повели народ к заветному казачьему счастью. А они смогли бы, смогли...

Жизни их оборвало вероломное, всеми проклиняемое, подлое лихолетье большевистского переворота. Им не удалось всласть, до мокрых спин напахаться жирной донской земли, до хруста в молодых суставах наработаться на духмяных сенокосах. Они не успели наскакаться по раздолью донских степей и покатым курганов на резвых своих лошадках. Не наплясались они в праздники на площадях казачьих станиц. Они ушли от нас совсем рано, и нам жалко их до слёз.

Но мы благодарны им и Всеведующему Богу за то, что они жили среди нас и подали нам достойный пример верности Родине и своей земле. Не посрамили они свой славный, чистый и вечный Тихий Дон. Бесконечно благодарны мы и великому летописцу казачьего края Михаилу Шолохову за то, что он создал о них память, которая всегда будет жить в людских сердцах.

Что касается проблемы молодых творцов, то надо признать, что действительно, никто ещё после Шолохова, будучи столь молодым, не поднял так высоко планку великой русской литературы. Ну, что же, давайте. В Москве я живу совсем недалеко от дома номер 33 по пер. Сивцев Вражек. На доме сём висит изрядное количество мемориальных досок, посвящённых знаменитым людям, жившим здесь в разные времена. В основном – это крупные военачальники, одолевшие врага в Гражданскую и в Отечественную войны, маршалы страны. От них веет незывблемой и вечной славой русского оружия и звоном стальных доспехов. Не знаю, как среди славных этих профилей оказался лик дорогого мне писателя. Ведь он никогда не был военным, но на мемориальной доске которой указано, что в этом доме долгое время проживал русский классик Михаил Шолохов.

О нём много чего разного наговорила уже людская молва – достойного и глупого, правды и вранья. И говорит сейчас. А он никому ничего ответить не может, потому что давно уже не живёт среди людей. Я же, как старый и верный его поклонник, всегда рад сказать о нём доброе слово. Что сейчас и делаю. (...) А в конце Сивцева Вражка, в торце его наперерез шумит неугомонный широкий поток Гоголевского Бульвара. Если пересечь под зелёный светофорный свет проезжую часть, то прямо перед нами уже на самом бульваре среди вечных лип откроется изумительная скульптурная композиция. Как будто посреди укромной излучинки Дона, между кувшинковых лилий и редких камышей качается на лёгкой речной зыби ладно сшитая лодочка. Вокруг неё купаются в воде лошади. Они шумно отфыркивают попадающую в ноздри воду и резвятся между собой. В лодочке сидит Писатель. На реке, наверно, уже вечереет, на воду спускается прохлада, и он набросил на плечи куртку. Сидит, любитесь дорогим его сердцу Тихим Доном, речным закатом. Ещё он смотрит на уходящий вдаль Сивцев Вражек, на свой дом, на Москву, на людей, которых искренне любит. Он глядит на нас с Вами.

Шолохову, этому знатоку человеческих душ, как всегда интересно, как мы с вами живём-поживаем, правильно ли строим свою страну и себя? Не заблудились ли люди, эти вечные путаники, на своих замысловатых путях?